

Вера

в большом городе

Ольга Маркес

Анна Семак

Фредерика де Грааф

Нюта Федермессер

Евгений Водолазкин

Монахиня Елизавета (Сеньчукова)

Виктория Валикова

Протоиерей Павел Великанов

Алексей Шмелев

Иеромонах Мефодий (Зинковский)

Борис Корчевников

Протоиерей Федор Бородин

Влад Топалов

Баста

с Татей Ларсен

и Валерией Германиковой

Диалоги о жизни, в которой есть место Богу

Тутта Ларсен

**Вера в большом городе. Диалоги о
жизни, в которой есть место Богу**

«Никея»

2021

УДК 238.2
ББК 86.372

Ларсен Т.

Вера в большом городе. Диалоги о жизни, в которой есть место Богу / Т. Ларсен — «Никея», 2021

ISBN 978-5-907307-36-0

Бог призывает человека по-разному, и в XX–XXI веках так же, как и во все века. Кого-то цепляет Достоевский, и уже невозможно не решить для себя вопроса веры; кто-то доходит до дна и только тогда понимает, что, кроме Бога, нет надежды, а другой проводит детство при храме. И каждый ищет свой путь жизни. Проект «Вера в большом городе» — это разговор телеведущей Тутты Ларсен и режиссера Валерии Германики с успешными благотворителями, музыкантами, писателями, священниками, талантливыми и интересными людьми с разным до противоположности жизненным опытом. Их объединяет одно: Христос. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 238.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-907307-36-0

© Ларсен Т., 2021
© Никея, 2021

Содержание

Николай Бреев. Предисловие	6
Нюта Федермессер	7
Нестрашная смерть	9
Наследство	11
Бог всегда со страждущими	13
«У нее ребенок умер, а она маникюр делает!»	15
В Москве не очень получается молиться	17
Мы увидимся	19
Виктория Валикова	21
Чем больше выбор, тем сложнее жизнь	23
Среднее пожертвование – десять долларов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тутта Ларсен, Валерия Германика

Вера в большом городе

© О ОО ТД «Никея», 2021

Николай Бреев. Предисловие

Представление о том, кто такой православный христианин, искажено стереотипами. Часть из них, вероятно, мы унаследовали из советского периода или даже из еще более ранних времен. Это заблуждения трех типов.

Первый миф: православные уходят из мира, как монахи, создавая собственное «гетто», живут в своем замкнутом, непонятном мире, отгороженном от современной жизни.

Второй миф: обычные человеческие эмоции – радость, счастье, тем более наслаждение – греховны и не имеют никакой ценности, это «не для христиан»! Третье заблуждение: православные пассивны. Их ничто не привлекает в этом мире, и здесь им, собственно, нечего делать. Есть храм, куда ты ходишь, молишься, и больше ничего не нужно. Как же иначе, ведь православные – спасаются. И спасаются они... от всего, что их окружает.

Конечно, человек, попав в духовно здоровую христианскую общину, достаточно быстро избавляется от этих стереотипов. «Вера в большом городе» – проект, который призван рассказать о живых, ярких людях, как мирянах, так и священниках, и даже монахах. Людях, которые живут полной, насыщенной жизнью – так, как на самом деле и призывает христианство!

И Youtube-канал, и книга «Вера в большом городе» показывают людей, которые идут своим христианским путем, путем радости, самореализации в Духе Святом. Путем изменения в первую очередь себя (в этом – корень всего), и через это изменяя общественную ситуацию, решая социальные проблемы.

В древнем христианском Патерике есть такой рассказ. У одного старца был ученик, и как-то он спросил авву: «Отче, ты, наверное, получаешь свои знания прямо от ангелов?» – на что подвижник, усмехнувшись, ответил: «Нет, чадо. Запомни: люди учатся у людей. Так угодно Богу».

И действительно, это так.

Для проекта мы выбирали людей совершенно разных занятий. Безусловно, нам важно было поговорить со священниками и монахами – не затворниками, а теми, кто постоянно общается с большим количеством мирян. Мы приглашали общественных деятелей, таких как Нюта Федермессер, удивительных врачей-филантропов, как Виктория Валикова и Фредерика де Грааф, предпринимателей, писателей, поэтов, художников, певцов.

Конечно же тех из них, кто был готов говорить о своем призвании и о своем христианстве открыто. Кто вдохновляется своей верой и своим делом и может вдохновлять других.

Говорят, в Православии одни запреты. Но наша вера, напротив, одна из самых свободных! Разнообразие практик, подходов и взглядов внутри Православия поражает. И это нормально.

В «Вере в большом городе» мы и показываем это разнообразие духовного опыта.

Мир существует одновременно в единстве и непохожести. Никто не может отгородиться от всех, ведь мы – часть чего-то целого, но одновременно и самостоятельные личности. Так же и в Церкви: каждый уникален, у каждого – свой путь, своя харизма, свой опыт, но объединяет нас одна истина – Христос.

В этой пестроте характеров и стилей мы можем реализоваться. Православие похоже на благоухающий луг из тысячи цветов и трав. И каждый найдет в нем нечто, глубоко созвучное себе.

Нюта Федермессер
**О работе со смертью в наследство, об умении
прощаться и о том, что мы все встретимся**

Она называет себя «женщина-работа». И ее работа – делать так, чтобы тяжелобольные люди в России не умирали, мучаясь от боли, в отчаянии и унижении, а уходили, окруженные заботой, поддержкой и любовью.

Проект «Вера в большом городе» пригласил для беседы Нюту Федермессер – учредителя благотворительного фонда помощи хосписам «Вера», руководителя Московского многопрофильного центра паллиативной помощи, автора проекта ОНФ «Регион заботы».

Спасибо, что ты нашла в своем невероятно напряженном графике время, чтобы с нами поговорить. Сегодня, как я понимаю, у тебя обычный день. Я здесь всего час, а у меня уже «мозг кипит» от бурлящей вокруг деятельности, от того, сколько людей приходит и звонит. И так каждый день?

Сегодня первый день после четырехдневного отсутствия в Москве. Но это еще версия «лайт», все умеренно.

Ты давно меня звала к себе в хоспис, а я говорила, что боюсь идти.

Вот чего вы все боитесь? Слова «хоспис»? Происходящего за этими дверями? Или вам страшно оттого, что вы не знаете, что за этими дверями происходит? Здесь умирают люди, и я боюсь этого зрелища. Наверное, это напоминание, что я не вечна и могу оказаться на их месте. И вообще, страшно видеть человека в таком почти «потустороннем» состоянии, когда он очень худой или очень некрасивый и, может быть, мучается.

Худых и некрасивых полно в метро. И мучаются не только в хосписе. Знаешь, от чего страх? От непонимания того, что здесь происходит, и от отсутствия информации. У нас вообще почти не говорят о конце жизни. Мы же общество победителей и общество потребителей; мы должны быть успешными. Кому должны – неизвестно, но это от рождения в нас заложено. Дети должны хорошо себя вести, девушки должны стать хорошими женами; мы должны отучиться: красный диплом – работа – хорошая зарплата. Надо улыбаться. У нас должно быть все «файн». А здесь не «файн». Приходя в хоспис, ты на сто процентов уверен, что у находящихся здесь людей, будь то пациенты или родственники, не все «файн». Они в нашем сознании – проигравшие, а мы не хотим оказаться среди проигравших и иметь к ним какое-то отношение.

Как можно помочь человеку в борьбе с этим страхом?

Я здесь «двуликий игрок»: с одной стороны, представляю фонд «Вера», а с другой – государственную (по крайней мере, московскую) систему здравоохранения в паллиативной помощи. Задача фонда – информировать, информировать, информировать, рассказывать о том, что на самом деле происходящее в конце жизни – естественно. В этот период мы так же беспомощны, как в начале жизни, и нуждаемся в любви и заботе. А дальше страх хосписа можно препарировать: выясняется, что отчасти мы боимся вполне конкретных вещей, с которыми можно легко справиться. А страшно-то – без хосписа, страшно, когда его нет. В старости, в болезни, в беспомощности и одиночестве, оказывается, есть паллиативная помощь. Есть профессиональные медицинские сестры, специально обученные врачи. Есть волонтеры, которые даже одинокого человека могут сделать чуть менее одиноким. Конечно, страх остается. Любой новый опыт пугает. Но в равной степени страшно в первый раз отвести ребенка в сад, в школу, выйти замуж, выйти на первую работу. Поступать в институт, сдавать экзамены, окунуться в прорубь зимой на Крещение. Куча всего – страшно. Но надо разложить это на части, и тогда катастрофа превращается в десяток решаемых задач. И в том числе процесс умирания.

Нестрашная смерть

Родившись в семье медиков, ты, наверное, раньше большинства детей узнала о законах жизни и смерти, о человеческой физиологии и многом другом?

Не думаю, что раньше. Просто по-другому, с другого ракурса. Я очень хорошо помню, как первый раз была на похоронах. У нас в деревне, куда я ездила на лето, умер дедушка из соседнего дома. До момента смерти я его видела каждое утро. Мне, трехлетней, сказали: «Вот, деда Миша умер». А мама (Вера Васильевна Миллионщикова (1942–2010), основательница и главный врач Первого Московского хосписа. – *Ред.*) потом спрашивает: «Хочешь поехать на кладбище?» Конечно, мне в три года все было интересно! И еще было круто, что предложили поучаствовать во взрослых делах. Мне врезался в память тот очень солнечный день и старушки на похоронах.

В черном?

Нет, в более нарядных платьях. Только платки, которые во время работы они завязывали назад, теперь подвязали под шею. Деревенские похороны не вызывают ужаса. Тем более что хоронили старика за девяносто. Это как раз нормальная жизнь. Ну и, между прочим, своего рода «тусовка». Я помню, как меня подхватывают, сажают в открытый кузов грузовика, и мы едем на кладбище в деревне Талицы. Мама не ездила, она меня отпустила с ними.

Одну? С бабками? В три года?! Ничего себе!

Это знакомые, родные и любимые бабки из деревни. Чем становится для трехлетнего ребенка смерть, когда она так подается? Важным событием. Ты осознаешь себя человеком, тебе интересно. Откуда страх-то?

В три года – да. А в шесть-семь лет ты уже задумываешься: а если я умру? А если умрут мама или папа? Что будет, когда все умрут?

Мы все умрем... Но дело в том, что осознание происходит очень постепенно. Не бывает детей, вокруг которых никто не умирал, когда им было три, четыре, пять лет.

Почему? Бывают! Я впервые оказалась на кладбище лет в двенадцать. Мы хоронили мальчика из нашей школы, который покончил с собой.

Ничего себе первый опыт! Я бы на месте родителей уже не отпустила...

А на похороны бабушки меня не взяли...

Вот именно! Не существует человека, в жизни которого этого опыта нет. Есть люди, которых в детстве к этому опыту не допустили.

То есть чем раньше, тем лучше?

Да, как и многое другое. Важно не упустить момент, когда человек начинает осознанно любить. Трехлетний ребенок прекрасно понимает, что любит маму, папу и бабушку, правда? Он выделяет их среди других. Различает своих и чужих: любящих, честных и искренних по отношению к нему отделяет от нелюбящих и нечестных. И вдруг твоя родная бабушка в один день пропадает из твоей жизни: попала в больницу, ее увезли по скорой с сердечным приступом, и она больше никогда не вернулась. Для тебя это становится не опытом прощания, а первым опытом предательства. Потому что человек, который был рядом с тобой, взял и исчез, не попрощался, ничего тебе не сказал. Он оставил дорогих тебе людей, твоих родителей, в слезах и растерянности. А потом, скажем, в двенадцать лет, тебе – хоп! – сообщают: «Кстати, помнишь, у тебя бабушка была? Вот ее памятник».

Ты спрашивала взрослых, что будет с тобой после смерти?

Думаю, что нет: к тому моменту, когда я стала достаточно сознательной, чтобы задавать такие вопросы, я уже понимала, что будет.

Откуда?

Был дедушка Миша, потом ушла моя няня, баба Маня, когда мне было пять лет. Мама сказала нам с сестрой Машей: «Девочки, пойдемте к бабе Мане, надо прощаться, она умирает». Я была маленькая, но у меня не возникло вопроса, что значит «умирает». Дайте возможность детям самим определять, сколько правды они смогут принять! Когда маленькому ребенку говорят, что умирает бабушка, дедушка или даже мама сильно болеет – да, ему тяжело. Но ребенок и весь его «метаболизм» – это про жизнь, про завтрашний день, про будущее. Он скажет: «Ужас! А что у нас на ужин?» И все! Если моя семья чем-то и отличалась от других, так это тем, что не было вранья, родители говорили правду, не прятали ее. Только так можно воспитать отношение к смерти как к естественному продолжению жизни. В общем, вся эта информация вливалась в меня постепенно, ровно по мере моей возможности ее впитать.

Наследство

Меня и мою сестру крестила бабушка очень рано. А в тринадцать лет я заявила родителям, что хочу ходить в православную воскресную школу. И они согласились. Меня потрясло, насколько мудро папа к этому отнесся. «Это твое решение, и это важно». Воскресная школа была совершенно потрясающая, тогда еще полуподпольная, вера только начинала возрождаться. Я ходила туда до семнадцати лет. Мама была очень деликатна в этих вопросах, а папа (у него еврейские корни) поначалу говорил, что все это «опиум для народа», но постепенно его отношение менялось. При этом он всегда был толерантным к моим желаниям.

Например, вскоре после того, как Виктор Цой погиб в автокатастрофе, выпустили «Черный альбом» группы «Кино». Обычные пластинки стоили 3 рубля 45 копеек, а эта – 25 рублей. К ней прилагалась футболка, плакат и желтый пакет с надписью «Кино». Когда мы пришли с папой в магазин «Мелодия», я стала просить: «Папочка, я понимаю, что это чересчур, но, пожалуйста, купи мне „Черный альбом“!» И он ответил: «Конечно!» При том, что папа растил нас на классической музыке. И 25 рублей для него были гигантские деньги. Позже я его спросила: «Почему ты согласился?» А он говорит: «Ну, тебе же это нравится! Значит, это важно!»

Люди получают в наследство разные вещи. Многие мечтают унаследовать деньги или квартиру. А тебе досталась работа со смертью. (Нюта смеется.) Ты могла бы вообще не вступать в «права наследства»?

Да, могла. Я очень хорошо помню, как за пару месяцев до маминой смерти у нас с ней состоялся разговор в ее кабинете. Я в очередной раз говорила, что ей стоит подумать, как мы распределим дела, что так больше нельзя – невыносимо было смотреть на нее на работе, это стало ежедневной пыткой. И она довольно агрессивно отрезала: «Думаешь, *ты* будешь на моем месте? Думаешь, *ты* справишься? Нет, Нюта, не справишься!» Предполагалось, что я должна этого всего избежать. К примеру, мама не хотела, чтобы я и моя сестра поступали в мединститут. Она считала, что этим не заработаешь на хлеб. Я работала здесь, в хосписе, в выездной службе и училась в медучилище полутайком, чтобы доказать, что я могу. И когда мама серьезно заболела (хотя она всю жизнь болела), я была на подхвате, как выездной сотрудник или как переводчик на каких-то образовательных мероприятиях. Со временем я стала ее руками – в те годы, когда сформировался фонд «Вера».

Для нее работа была служением?

Да, миссионерством. Она совершеннейший доктор Гааз¹. По прошествии лет я начинаю все лучше понимать невероятный масштаб ее личности. Мне иногда говорят: «Вы столько сделали в Москве!» Знаете, как просто что-то делать, когда тебе есть на чем стоять? Когда есть этот хоспис, где мы сейчас сидим. А она добилась всего в Советском Союзе! Где вообще не было таких понятий, как милосердие, сострадание, милость, достоинство.

Получается, что тебе на роду было написано погрузиться в эту тему?

Я вообще не очень верю в судьбу. На каждой развилке человек принимает решения сам. И развилки могут встречаться сколь угодно часто и быть сколь угодно мелкими или, наоборот, масштабными. Конечно, у меня был шанс сделать другой выбор. Я с успехом работала в школе учителем английского, в международном отделе фестиваля «Золотая маска», в Шахматной академии Каспарова, в «ЮКОСе». И везде могла остаться. Но меня почему-то тянуло сюда. Я всегда хотела быть здесь. Наверное, это какая-то сублимация, своего рода замещение. Я, по моему, до сих пор не оплакала ни папу, ни маму. По-настоящему я не плакала по ним. При

¹ Федор Петрович Гааз (1780–1853) – московский доктор немецкого происхождения, главный врач московских тюрем. Фактически посвятил свою жизнь облегчению участи заключенных и ссыльных. На благотворительность ушли все его сбережения. Еще при жизни Гааза называли «святой доктор».

этом я была хорошей дочерью, очень любила родителей и была им предана, и остаюсь предана. Мне было очень важно, чтобы мамино дело продолжало жить.

Надо сказать, что вначале в хосписе я была никому не нужна. Тут был другой главный врач, которому я мешала. И коллектив меня тогда совершенно не воспринимал как самостоятельную личность. Для них я была Вериной дочкой, которая почему-то считает, что у нее есть какие-то права. Они считали: «Фонд „Вера“ – да, неплохо, пускай приносит денежки и катится». И кто мне дал на тот момент право думать, что это вообще-то должно быть по-другому? Мама «оттуда» и дала!

Связь сохраняется?

Уходящие люди остаются с нами, если мы этого хотим, если допускаем для себя продолжение этой любви. Когда человек умирает, его физически нет рядом, а любовь к нему есть. «Любовь не перестает». Значит, он тоже живет. Он тебе помогает, снится. Ты с ним общаешься.

Атеист скажет, что это просто игры твоего разума. Ну, атеист просто еще маленький, он еще не вырос.

А потом, когда окажется на койке в хосписе, его сознание поменяется.

Бог всегда со страждущими

Да, говорят, на поле боя нет атеистов. А в хосписе?

Тоже нет. Правда, есть достаточно упрямые люди, не желающие менять свои убеждения. Для нас, сотрудников, которые осознали, что здесь мы на своем месте, последний вдох (точнее, у умирающего последний выдох) – это очевидный знак перехода. Человек вроде умер, но он тут, он остался твоим пациентом. Ты продолжаешь трудиться, еще какое-то время общаешься с родственниками, продолжаешь работать с телом. Я учу этому медсестер. Мы много говорим, общаемся, учимся прощаться с умирающим.

Москва живет в невероятном темпе, как на конвейере. В роддоме: родился, собрался, запеленали, маме отдали – следующий! Женишься – за тобой очередь, следующий! Умер – тоже очередь, следующий! На отпевании почти так же. А хоспис – это место, где время концентрируется, превращается в густую, насыщенную, очень осязаемую субстанцию. Мы говорим людям: «Вы можете попрощаться», и я понимаю, что они, вероятно, про это и не думали, не рассчитывали. Нигде в нашем городе у них нет другой возможности так попрощаться – даже в церкви. Раньше умерший хотя бы оставался дома до похорон, но сейчас такого почти уже не бывает. А в хосписе иногда получается все обсудить, все проговорить без вранья. И провести рядом с ушедшим родным человеком несколько часов.

Может быть, это и не каждому дано – так уметь прощаться?

Мир, в котором мы живем, часто исключает смерть, потому что смерть – это неуспех: «Вот зараза, умер! Мог еще поработать, карьеру сделать, достроить то, что недостроил...»

Паллиативная помощь в больших городах значительно нужнее, чем, например, в маленьких деревнях, где сохраняется старый уклад, где несколько поколений живут под одной крышей. Дети видят, как мама ухаживает за стареющими родителями, как бабушка досматривает прабабушку, и естественным образом перенимают такой формат отношений. А в городе – что мы видели? Кто здесь будет ходить за больным? Всем надо работать! Нужна сиделка, хоспис, паллиативная помощь. Это не плохо, это нормально. Мы рождаемся, чтобы жить, а не чтобы бесконечно ухаживать и хоронить. Естественные отношения поколений вытеснил прогресс. Хоспис и паллиативная помощь помогают вернуть то человеческое, что мы утрачиваем.

Таким образом мы примиряемся сами с собой, что очень важно!

Тут наша прекрасная общественность воспротивилась появлению в Москве прачечной для бомжей от фонда «Ночлежка». А я со свойственной мне безоглядностью ринулась защищать всех и сразу. Мне говорят: «Что вы лезете? Это наш район (Савеловский, Беговой. – *Ред.*). К себе в хоспис бомжей кладите!» А я отвечаю: «Мы кладем! И бездомных принимаем, и со СПИДом, и с туберкулезом!» Я ведь прекрасно понимаю, что ты его помыл, постриг, накормил, обезболит, он выспался, и завтра у тебя в палате на одной койке профессор, а на другой – бомж, и они совершенно ничем не отличаются! И могут быть в равной степени счастливы или несчастливы.

Это же очень по-христиански: та самая память смертная, о которой нельзя забывать. Как говорил преподобный Силуан Афонский, «держи ум во аде и не отчаивайся». То есть ты всегда знаешь, что с тобой в любой момент может что-то произойти.

Да, мы не можем планировать, не знаем, что успеем, что не успеем, поэтому нужно жить каждый день так, чтобы была какая-то завершенность в делах. Но и на завершение дел можно смотреть очень по-разному. Вот у нас с тобой сейчас полно забот: надо детей поднимать, паллиативную помощь немножко достроить. Но если вдруг окажешься на первом этаже в одной из палат (даже при длительной болезни все всегда происходит неожиданно), то выясняется, что и дел не так много, и планы могут быть совершенно не такими далекоидущими. А счастье вовсе

не в том, чтобы увидеть своих внуков, а в том, чтобы увидеть, как солнце садится. А внуков увидят наши дети.

Я бы очень хотела, чтобы моя работа научила меня радости. Человек, осознавший и принявший неизбежность своего скорого ухода, способен радоваться. Он перестает бояться и начинает воспринимать то, что нам недоступно. Чего бояться? Смены власти? Дефолта?

Однажды я рассказывала некоему священнику о человеке, который умер во сне. Я говорила: как же ему повезло, просто заснул и не проснулся! Не мучился, раз – и все. И священник на это сказал: «Самая страшная смерть – внезапная, когда ты к ней не готов».

В моем понимании страшная смерть – это когда остается тяжелейший осадок у тех, кто жив. Когда ты не можешь думать без ужаса об умершем человеке, не можешь жить с собственным чувством вины, чувством невыполненного долга по отношению к тому, кого уже нет рядом. Беслан, Нагорный Карабах – это страшно. А когда во сне – ну кому она страшна?

Наверное, человеку, чья душа не успела подготовиться к этому переходу.

Но мы-то не знаем, подготовилась или нет. И священник не знает. Помрем – узнаем. Страшно, когда человек человеку волк. Я недавно оказалась в школе в Беслане. Была во Владикавказе и не могла не съездить. Есть большая разница между тем, что произошло там, и тем, как мы провожаем детей здесь, как работаем с родителями. Это становится естественным процессом, и во многом невероятным благословением. Когда человек долго болеет и уходит из жизни, окруженный заботой, любовью и профессиональной медицинской помощью, без боли, то смерть перестает быть страшной. И она действительно может быть долгожданной.

А то, что случилось в Беслане... Тому причина не природа, не болезнь, не Провидение, а просто люди. Я будто на другой планете побывала. Вернулась в свой хоспис и думаю: «Как хорошо! Можно я тут останусь? Мне тут все ясно».

Дело не в профдеформации, а как раз наоборот. Здесь есть жизнь, которой мы себя лишаем ежедневно. Мы суедемся в большом городе, строим странные планы, даем себе идиотские установки на то, что надо быть успешными и счастливыми. Забиваем себе голову условностями: семья должна быть такая-то, муж должен зарабатывать больше, любить надо вот так-то, дети должны то-то. Никто ничего не должен! В том пространстве, где мы сидим, все становится ясно. Оно само тобой «рулит». Здесь все по-честному. Стоит только включить здесь вот эти правила – кто, что и кому должен, – и наша профессиональная помощь не сработает.

Есть еще один вопрос, который часто задают неверующие: «Почему ваш Бог такой жестокий и позволяет детям умирать? И вообще, хорошие люди умирают, а плохие живут долго и счастливо! Почему негодяй ходит, коптит землю и портит всем жизнь, а я вот здесь с таким хорошим человеком расстаюсь?»

Негодяи – они заметнее. Поскольку дерьмо не тонет, а держится на поверхности любого водоема, нам кажется, что весь водоем состоит из него. А на самом деле ниже – толща чистой воды.

Хоспис прекрасно подтверждает, что умирают все: дети, взрослые, хорошие люди и плохие. Абсолютно все, без разбору. Наверное, исчерпывающий ответ на поставленный тобой вопрос я нашла у Улицкой в книге «Даниэль Штайн, переводчик». Там есть момент, когда герой спрятался в католическом монастыре в Польше и смотрит оттуда на подожженный сарай, в котором горят десятки людей. Они не могут выбраться, а ему удалось бежать, спрятаться и остаться в живых. Он горячо молится: «Где же Бог? Где Бог?» И тут понимает, что Бог с каждым из погибающих: горит, умирает с каждым в этом сарае! И для меня это ответ: мы – это Он, а Он – это мы. Когда мы умираем, Бог умирает с нами. Нам плохо – и Ему плохо, нам хорошо – Ему хорошо. Он всегда вместе со страждущим, независимо от того, каковы были его земные дела.

«У нее ребенок умер, а она маникюр делает!»

Ты сказала как-то очень интересную вещь: возможно, хоспис создан даже не для тех, кто уходит, а для тех, кто остается.

Сто процентов!

Как помочь близким? Ведь тот, кто остается, продолжает страдать, особенно если умер ребенок.

Родные продолжают страдать, если не было качественной помощи, потому что тогда их гложет чувство несправедливости, чувство вины и собственного несовершенства.

Можно же страдать просто от разлуки?

Да, от физической разлуки – от того, что нельзя больше обнять, прижать к себе. Если несчастье не есть плод человеческих рук, человеческой злобы; если была оказана паллиативная хосписная помощь, когда были медики, которые рассказывали маме, папе или близкому человеку, что будет происходить, что примерно ждет впереди и сколько осталось, как будут облегчать страдания больного; если есть помощь в принятии ситуации – тогда родные и близкие будут страдать потом только от физической разлуки. Духовно они ни с кем не расстаются.

Это хорошо видно, когда мы собираем мам умерших детей на Дни памяти. Я очень хорошо помню первый такой день и наблюдаю, как это происходит сейчас. В первый раз мы сами паниковали, не знали, как его провести. Было тяжело, не хотелось устраивать нечто вроде масштабных поминок. А теперь это такие светлые дни! Последний проходил у нас, кажется, летом. В конце мы устроили фейерверк. Вначале я думала: «Наверное, перебор; фейерверк – это неуместно. Как так: вспоминаем ушедших детей – и салют в небо запускаем?» Но к концу дня все родители, мамы и папы, настолько друг с другом сблизились, так расслабились! Когда рядом тот, кто пережил такую же беду, ты перестаешь стесняться; не стыдно не то что плакать, даже смеяться! Вообще народ у нас жестокий: «Чего это она?! У нее ребенок умер, а она смеется! У нее ребенок умер, а она маникюр решила сделать! Ужас, какая бессердечная!» Находясь среди своих, родители понимают, что могут смеяться. В этот раз к нам пришли две семьи, где умерло по два ребенка. Было двое – и оба ушли! Ты вообще не знаешь, как смотреть им в глаза, о чем говорить. И вот мы подходим к столику, где сидит одна из семей. Я заранее надеваю скорбное выражение лица. А они говорят: «Какой вкусный пирог! А мы тут рецептами обмениваемся!..» Мы живем дальше, потому что наши дети с нами. Они не умерли, а остались тут, в сердце. Потому что все было проговорено, разъяснено и паллиативная помощь подоспела вовремя.

Но как же можно такое разъяснить? Одно дело, когда ты провожаешь пожилого человека, а другое дело – ребенка!

Тут мы мало что знаем. Это опыт, который человек проживает сам, если такое выпадает на его долю. Подготовиться к этому невозможно и постичь, глядя со стороны, тоже. Надо сказать, что, работая в хосписе, я поняла (если вообще можно что-то понять), что самое тяжелое – уход супруга. Ведь это единственные люди, которых мы себе осознанно выбираем. Муж (или жена) – это моя рука, нога, кусок меня. Он умер – как будто я умерла. Одиночество и беспомощность оставшегося супруга – ох, это совершенно другая история... И никто не обязан «быть сильным», теряя маму, папу, супруга, ребенка...

Если ты проводил старого человека, прожившего жизнь, ты страдаешь, потому что не можешь больше к нему прикоснуться. Но когда ты провожаешь ребенка, тебя мучает чувство несправедливости, ты задаешься вопросом: «Почему он так рано ушел? Почему я так мало времени провел с ним?» Безусловно, здесь нужны и психологи, и врачи хосписа, которые поработают с родителями. И все же...

Когда уходят дети, это настолько ненормально для нашей культуры, что это вытесняется. Родители не могут принять смерть, так что ребенок остается в их жизни, будто он живой. Те, кто потерял детей, очень щедро отдают неизрасходованную любовь. Они рожают еще, много усыновляют. На Днях памяти у нас невероятное количество мам с малышами, беременных и семей с приемными детьми. Потому и фейерверк оказался уместным. В конце вечера мы выпустили шары в небо, а потом начался салют. Похолодало, все стояли в пледах, обнимая друг друга, – мамы, папы, дети, наши сотрудники, волонтеры. И все вдруг стали кричать в небо имена ушедших детей: «Наташа! Даня!» Это было невероятно, потрясающее торжество любви!

В Москве не очень получается молиться

Ты будто паришь над всеми, больными и их родными. Усаживаешь сына возле умирающего отца, соединяешь их руки, строишь этот мостик. Ты все понимаешь, видишь всю перспективу хосписа, людей в нем. Для этого требуется много сил. Откуда ты их берешь?

Во-первых, у меня ощущение, что я не парю вверх, а нахожусь где-то внизу, и сверху все время что-то падает! (*Смеется.*) А во-вторых, ты таков, каков есть, сильный или слабый, и другим быть не можешь. Берешь на себя столько, сколько можешь вынести. Крест у каждого – ему по силам. Да, я иногда, вероятно, взваливаю на себя избыточно много. Только что у меня было четыре дня и пять ночей отпуска (это для меня очень много!), и сегодня я чувствую, что могу горы свернуть, даже при том, что во время ночного перелета я не спала.

Но вот недавно у нас была тяжелая ситуация с одним мальчонкой – он еще не уходящий, но, в общем, требует паллиативной помощи. Его мама не принимает болезни ребенка и обвиняет весь мир в происходящем. Она невероятно преданная, только сыном и живет и не понимает, как продолжит существовать, если его не станет. Ей необходима уверенность, что он будет всегда. А сил у нее уже нет. Состояние ребенка ухудшается, у него судороги, вдруг появляется рвота, она не знает, что делать. Мама вызывает скорую, но не доверяет им и ненавидит их. Центр паллиативной помощи и хоспис для нее – катастрофа, ведь тогда надо признать, что приближается конец. Последние два дня я постоянно с ней на связи, она беспрестанно звонит или пишет. Моя задача – «держаться» ее, чтобы она не звонила моему помощнику или главному врачу. Хотя бы ночами, чтобы они поспали.

Но ты могла это время провести со своей семьей... Моя семья рядом. Они говорят: «Мама, ну сколько можно?!» А я отвечаю: «Что поделаешь? Пока так». Вот после такого необходимо восстанавливаться. По-настоящему это происходит в деревне Никитино, в доме, который появился у родителей почти пятьдесят лет назад. Я стараюсь туда вырываться хотя бы летом на выходные. Последние годы каждый раз думаю, как бы дотянуть до майских праздников, то есть до первого выезда после зимы. Снова почувствовать запах сырой прелой земли, побывать там, где развеян мамин прах... Просыпаться и видеть каждый день новые листочки, замечать, что их уже больше, они стали зеленее. Вот это заряжает. И для этого мне не нужно очень много времени.

Ты молишься? У тебя есть какая-нибудь ежедневная или просто регулярная духовная практика?

Да. Отец Алексей Уминский, настоятель храма Святой Троицы в Хохлах, куда я хожу, умеет на этот счет давать простые и четкие советы. Но у меня не получается как следует выполнять их. В Москве, среди хлопот и работы, я не могу сосредоточиться только на этом. Мешает телефон, эти эсэмэски, звонки, мысли! А вот на даче, в деревне Никитино, или в Поречье, где находится сельский хоспис, который мы с недавнего времени курируем, складывается такое «молитвенное ощущение», и ты в нем пребываешь. Там другое небо, и ты по-другому себя там чувствуешь.

Мне кажется, в хосписе еще больше чувствуешь присутствие Бога.

Это потому, что ты тут в первый раз. А я замечаю то, что недоделано, недомыто, неубрано!

Но ты же сама говорила, что в тот момент, когда человек делает последний выдох, становится совершенно ясно, что все продолжается уже где-то в другой реальности.

Люди в этом городе умирают каждый день – в метро, в окрестных домах, на улице, в соседней с нами 61-й больнице. Возможно, сейчас кто-то на первом этаже уходит. Разве мы это как-то почувствовали? Почувствовал тот, кто рядом: если нет родственников, то обязательно будет медсестра, индивидуальный пост. У нас так выстроена работа – надо сидеть, держать за

руку, чтобы человек был не один, потому что одному, видимо, страшно. А мы с вами просто ощущаем в этих стенах тепло. Здесь работают очень хорошие люди.

Сложно было привыкнуть к повседневности смерти?

Помню, как в первый раз столкнулась с одним парадоксом. Две девочки-близнецы, лет шестнадцати-семнадцати. У обеих была онкология, но одна вылечилась, а другая умерла. И вот вылечившаяся сестра и мама провожали в палате ушедшую. Очень тяжело, когда близнецы расстаются, они как один человек. Мне было трудно находиться рядом. Нечасто бывает такое, но невозможно в данном случае занять профессиональную позицию. Я искренне плакала вместе с ними, а потом оставила их, чтобы они простились окончательно, и сказала: «Я пойду, а у вас есть время, прощайтесь, сколько нужно, а потом позовите персонал». Выхожу в коридор и чувствую, как вкусно пахнет из столовой гороховым супом. Вроде совершенно искренне только что рыдала, потому что видела величайшую трагедию. И тут пошла есть суп. Значит, я бессердечное чучело? Или стала закаменелым профессионалом? На самом деле это просто жизнь – у нее много разных сторон. И смерть является ее частью, продолжением жизни.

Мы увидимся

Но у смерти тоже есть разные стороны, так ведь?

Пару лет назад я была в Питере и в рамках проекта «Открытая библиотека» участвовала в Эрмитаже в публичной беседе на тему смерти с Александром Сокуровым. Я тогда думала: вот сейчас «всех вылечу», всем объясню про радость и торжество... А Александр Николаевич в первые минуты стал говорить о том, как ужасна смерть. Приводил в пример войну: шел человек и подорвался на mine. Только что был живой, здоровый, красивый, и нет его, как не было. Никакого торжества, никакой радости. Сейчас я понимаю, что у Сокурова было знание, которого не было у меня. Переворот в моем сознании произошел после Беслана и Карабаха. Смерть – это всегда трагедия. Она разлучает, а разлучаться тяжело. Однако и разлучаться можно по-разному. Как раньше люди эмигрировали? Все знали – расстаемся навсегда. А сейчас эмиграция другая – не конец света, увидимся. Вот здесь примерно то же самое.

Ты уверена, что увидимся?

Я знаю, что меня там ждут, и, конечно, хочу встретиться с родными. С мамой столько непроговоренного, и в снах не успеваю проговорить. У меня никогда не было сомнений в том, что существует жизнь после смерти. Мы увидимся, и речь не о том, чтобы верить или не верить в это. Мне даже кажется смешным и нелепым, когда говорят «верю в Бога». Почему «верю»? По мне, так в слове «верю» есть элемент некоторого сомнения.

Быть с Богом – это настолько же естественно, как жить и умирать?

Нет, жить и умирать для человека, к сожалению, значительно естественнее, чем быть с Богом. Это больше, чем просто понимать, что человек, умирая, не исчезает совсем.

Быть с Богом – это про доверие. И про понимание того, что ты, во-первых, не всемогущ, во-вторых, не самостоятелен: есть еще Кто-то. И Он, возможно, лучше знает. Вообще-то иногда есть смысл расслабиться и положиться на Него. Лично мне бывает трудно, я упертая и не очень умею расслабляться и доверяться. Каждый раз в сложной жизненной ситуации меня приходится уговаривать: «Стоп! Сейчас не ты рулишь!»

А как ты себе представляешь, что будет, когда придет твое время переходить туда? Лично для тебя, как для христианки, что важно?

Мне будет тяжело, и, думаю, я буду чувствовать себя несчастной. Говорят, бывает женщина-мама, женщина-жена. А я женщина-работа. Я живу с постоянным чувством вины перед детьми и мужем и все время ищу себе оправдания, думаю, что «это временно», «это у меня такой период». И потом, я, как многие сильные личности с лидерскими задатками, категорически не способна принять свою болезнь и слабость. Я болела и знаю, насколько становлюсь невыносима, когда не могу все делать сама. В таком состоянии не получается быть смиренной, улыбаться и дарить тепло тем, кто рядом. Наверное, все вздохнут с большим облегчением, когда это испытание закончится.

Ты сказала в одном из интервью, что не думаешь, что встретишься с Богом. И добавила: «Мне бы пониже...» Почему ты считаешь, что тебя не возьмут в самое «высокое высоко»? Мне кажется, встреча с Ним – самое главное. Конечно, и со всеми близкими тоже, но это – важнее.

Есть такой анекдот про пьяницу, который пришел в церковь просить у Бога на выпивку. Он молится: «Господи, пожалуйста, ну не могу просто, пошли мне или денег, или бутылку, или чтобы в гости пригласили, а то сил нет!» В это время заходит новый русский, слышит эту молитву, достает деньги и говорит: «Поди купи себе выпить и не отвлекай Бога такими мелочами!» Так вот: мне кажется, у Него есть дела посерьезнее, чем я. *(Смеется.)*

Разве ты не хочешь с Ним Самим встретиться?

Нет, мне страшно!

Тебе страшно?!

Ну, каждый за собой что-то знает... Мне, наверное, нужно раз восемь умереть, чтобы до Бога добраться. Увидеть бы родителей, и то спасибо.

Виктория Валикова
Об экстремальной любви к профессии,
недобровольном вегетарианстве и
обретенной вдали от дома любви

Она просто русская красавица. Взрослые гватемальцы рядом с врачом-инфекционистом, соосновательницей проекта Health&Help Викторией Валиковой кажутся подростками. В далеко не самую благополучную страну Центральной Америки ее привела... страсть. Страсть к собственной профессии. Откуда же было ей знать, что в джунглях она обретет Бога, в католической стране – станет православной. И мужа, православного американца (!), кстати, тоже найдет здесь.

Я почему-то думала, что увижу очень загорелую девушку, с выгоревшими волосами...

...в купальнике? (Смеется.)

Ну, может, в каком-нибудь худи или в олимпийке с надписью «Врачи без границ». И вдруг такое строгое длинное платье! Возникает ощущение, что ты сейчас подойдешь к роялю и сыграешь полонез.

Я могу, в принципе.

Это твои «городские латы»? Или ты просто сегодня так нарядно оделась?

Я прилетела без багажа. И ребята, с которыми я живу здесь, в Москве, поделились своим гардеробом. Когда они узнали, что разговор будет про веру и религию, то подумали, что, наверное, подойдет классическое платье.

Оно очень красивое. Для тебя это играет роль?

Мне достаточно безразлично – все это поверхностное!

Тут есть скрытая проблема: когда люди слышат про веру и религию, они сразу представляют себе тургеневскую девушку в юбке в пол.

Я часто слышала о том, что в церковь не пускают в короткой юбке или с татуировками. Думаю, надо быть проще: если человек захотел прийти в храм, то неправильно было бы ему препятствовать и навязывать какую-то определенную одежду.

А ты ходишь в церковь?

Хожу.

В Гватемале?

В стране всего один православный храм, точнее, монастырь, и он находится в столице. Это в семи часах езды на автобусе от места, где мы находимся. Ехать надо, кажется, с шестью пересадками. И поэтому мы посещаем службы лишь тогда, когда по какому-то поводу бываем в Гватемала-сити².

А там есть какой-то особый дресс-код?

Это женский монастырь, и монахини достаточно строгие. Но они нас знают и хорошо к нам относятся. И потом, я не особенно люблю носить мини-юбки, поэтому мне нетрудно соответствовать их требованиям.

² Столица государства тоже называется Гватемала, но иногда ее именуют Гватемала-сити, чтобы отличить от названия государства. По-испански это звучит как Сьюдад де Гватемала – Гватемальский Город.

Чем больше выбор, тем сложнее жизнь

Ты прилетела в Москву с тремя килограммами ручной клади...

Да у меня вообще мало имущества. Пожалуй, килограммов десять. И выбрать из них три килограмма не сложно.

Вот это самое интересное: как ты определяешь, что в твоей жизни важно? Что тебе необходимо, а без чего можно обойтись?

Мне кажется, что материальное в целом не особо важно. Это касается и еды. Мы с волонтерами, которые приезжают к нам в Гватемалу на проект, редко едим мясо. И не потому, что мы все вегетарианцы, или любим животных, или спасаем таким образом мир. Мясо стоит дорого, а наша работа финансируется за счет частных пожертвований. Мне лично совесть не позволяет купить, скажем, килограмм мяса, зная, что этой суммы хватило бы на лечение двоих детей. Получается, что мы постоянно постимся, но не по своей воле. И я заметила, что людей это несколько не делает несчастными, не расстраивает. Наверное, с другими вещами происходит абсолютно так же: чем больше у тебя выбор, тем сложнее жизнь. И в этой сложной жизни не хватает времени, чтобы думать и оценивать – хороший ты человек или не очень и какие люди-то рядом – хорошие или так себе.

Назови три вещи (или, может быть, несколько вещей), без которых ты все-таки не можешь обойтись?

Я недавно обнаружила, что мне очень нравится иметь в своем чемодане тапочки для душа. Меня недавно укусил скорпион, и я подумала, что неплохо всегда иметь под рукой такую обувь. Кроме того, хорошо, когда с собой компьютер для работы.

А стетоскоп?

Стетоскоп у нас в клинике, слава Богу, уже есть. Мы не возим с собой ни униформу, ни шприцы, ни инструменты. Из ценных вещей у меня есть икона, которую подарила бабушка. Но она хранится у моего молодого человека, Эндрю. Из sentimentalных предметов я еще очень люблю фотографии.

А всякие женские радости, типа кремов для ухода за кожей, какого-нибудь вкусно пахнущего шампуня?

По поводу шампуня мне даже стыдно признаться: при мне всегда шампунь от вшей. Когда детям надо сделать укол, я, будучи довольно крепкой физически, держу их, чтобы не брыкались и не пинали медсестер. И вот ребенок лежит в моих крепких объятиях, и я вижу – что-то по нему ползет. И ко мне по распущенным волосам может приползти. Что тут скажешь – профессиональная вредность! Поэтому мне нужен не ароматный шампунь, а специальный.

Ты делаешь маникюр, педикюр?

Маникюр я сделала вчера, позаимствовав лак у девочки, у которой остановилась.

Приезжая в Москву, немножко отрываешься?

Мне все это нравится. Я бы регулярно красилась, косички себе заплетала. Но у нас на это нет времени и возможностей. В Никарагуа, где мы сейчас строим клинику, вообще нет проточной воды. Без нее тяжело, но тоже не критично.

Может быть, ты сознательно избавляешься от любых материальных привязанностей, чтобы они тебя не отвлекали? Или чтобы не о чем было жалеть? Я прочитала в твоём блоге фразу: «Особый кайф быть бедным». Ты написала это после того, как неделю питалась одним обезжиренным творогом и при этом много работала – недосыпая, недоедая, без отдыха и удовольствий!

Я получаю огромное удовольствие от того, чем я занимаюсь. Никто больше меня не любит осматривать экскременты, кожную сыпь, изучать жучков, пауков и змей. То, что другим противно, мне нравится, причем очень нравится. И мне приятно, что я в этом разбираюсь.

Огромное количество людей чересчур озабочены тем, что они едят, на чем они спят...

Сон – актуальный вопрос. Ребята из американской благотворительной организации, которая сотрудничает с нами в Гватемале, в какой-то момент выкинули все кровати и оставили только стеганные матрасы четырехсантиметровой толщины. Они считают, что неправильно было бы отдыхать на шикарном ложе королевского размера, когда местные жители спят на деревянных лежаках.

Ты тоже следуешь аскетическому пути? Я слышала историю про то, как у вас в матрасах завелись клопы. Это же почти... мученичество!

Это не единственный казус с насекомыми. Когда мы строили клинику, нам не хватало денег даже на еду. Мы ели почти один только рис. А потом пришло огромное пожертвование, нам отдали целую тонну продуктов, но все были просроченными. А в муке завелись жуки. Ее приходилось просеивать, прежде чем использовать. Помню, приехала к нам девушка, чтобы работать учительницей. Первым ее заданием было просеять 200–250 килограммов муки через ситечко, выкинуть всех насекомых и приготовить лепешки.

Девушка не сбежала?

Никто не сбежал. В этом вся прелесть. Мне кажется, настоящее благословение работать с потрясающими людьми, которые под нашим с Кариной началом делают очень важное дело³.

³ Карина Баширова – коллега Виктории и соосновательница организации Health&Help.

Среднее пожертвование – десять долларов

Начнем, как говорится, от корней. Откуда ты родом?

Я родилась в Уфе. В семье было двое детей – я и брат.

Насколько я понимаю, у тебя было довольно свободное детство: умные, демократичные родители, которые ничего не запрещали?

Мне очень повезло: родители никогда не говорили «нет». При этом у меня очень рано внутри сформировалось что-то вроде самоконтроля. Я пошла в школу в пять лет (так вышло, меня не с кем было оставить, бабушка была старенькая). Так вот, в детстве я сама себя наказывала, ставила в угол, если уроки не сделала. Мама меня не ругала: она могла расспросить, что и как я делала, выясняла, почему я так поступила, и в ходе такого разговора ко мне приходило осознание, что я поступила неправильно.

Откуда у ребенка берется идея – самому встать в угол?

Может, я это в сказках вычитала. Со мной много занималась бабушка, она была очень великодушным человеком. Наказывать меня она не могла, для нее самой это было бы болезненно.

Инфекционист, особенно тропиколог, – достаточно редкая профессия. Как случилось, что ты пошла именно по этой дорожке?

Инфекционист – не только редкая, но и не очень прибыльная специальность. Но мне она нравится: тому, кто изучает инфекционные болезни, приходится много думать и рассуждать. В этой специальности большая доля дифференциальной диагностики⁴, а также нужно хорошо знать медицинскую географию, то есть понимать, какая болезнь для какой части света характерна. Разбираться в насекомых и животных – переносчиках заболеваний и знать медицинскую антропологию: в каких племенах какие традиции, где, скажем, едят мозги обезьян, а где питаются крокодилами. Одним словом, нужно иметь широкий кругозор и постоянно его расширять.

И ты все это знаешь?

Конечно, не все. Но я стараюсь много читать. При этом никогда не заявляю, что знаю абсолютно все об инфекционных болезнях.

Похоже, ты человек не брезгливый?

Да.

Изучая тропическую медицину, ты, наверное, понимала: чтобы всерьез развиваться в этой области, придется ехать в страны третьего мира со всеми их ужасами. Одно дело узнавать обо всем из учебника, а другое дело видеть своими глазами. Неужели не было страшно?

Не то чтобы не было страшно. Когда все начиналось, я не думала, что так сильно завязну во всем этом. Я считала, что немножко поработаю, наберусь опыта, потом вернусь, устроюсь в какую-нибудь частную клинику тропикологом, буду консультировать тех, кто приезжает из далеких стран или уезжает туда. Думала, буду таким уникальным специалистом. Но так вышло, что я не смогла покинуть Гватемалу.

⁴ Дифференциальная диагностика – аналитический процесс, позволяющий, в частности, различать болезни со схожей симптоматикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.